

Пругавин Александр Степанович

**Раскол и сектантство в русской
народной жизни: с критическими
замечаниями духовного цензора**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А46

А46 **Александр Степанович П.**
Раскол и сектантство в русской народной жизни: с критическими замечаниями духовного цензора / Пругавин Александр Степанович – М.: Книга по Требованию, 2024. – 96 с.

ISBN 978-5-519-79735-1

Религия -- Христианство -- Христианские ереси, течения, секты -- Христианские течения и секты в новое и новейшее время (сер. 17 - 20 вв.) -- Русское сектантство, духоборы, молokane, штунда

ISBN 978-5-519-79735-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Расколъ и сектантство

ВЪ РУССКОЙ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ.

Знакомясь съ результатами, достигнутыми нами въ области изученія народной жизни, народного быта, разбираясь въ массѣ матеріаловъ, собранныхъ нами по этимъ вопросамъ, мы не можемъ не замѣтить нѣкотораго рода узости взгляда и односторонности, съ которыми относились мы до сихъ поръ къ дѣлу изученія условій народной жизни. Пораженные видомъ народной бѣдности, періодическими голодовками, громадными цифрами недоимокъ, вынужденными переселеніями и проч. и проч., мы кинулись изучать и изслѣдовать условія экономическаго положенія народа, высчитывать крестьянскій бюджетъ, количество платежей и налоговъ, лежащихъ на мужицкой „душѣ“, количество скота, лошадей, овецъ, приходящихся на крестьянскій дворъ, изслѣдовать заработки и промыслы; позднѣе мы занялись изученіемъ поземельныхъ отношеній, состояніемъ крестьянской общины и т. д.

Все это, конечно, какъ нельзя болѣе естественно и понятно. Универсальное значеніе экономическихъ условій въ общемъ строѣ жизни каждаго отдѣльнаго народа, тѣсная зависимость этого строя отъ состоянія матеріальнаго быта — все это идеи, которыя давнымъ-давно уже стали

совершенно безспорной, избитой, азбучной истиной. А тѣмъ болѣе, когда бѣдность народа доходитъ мѣстами до нищеты, до вырожденія и вымиранія, когда цѣлыя обширныя области, считавшіяся нѣкогда „житницами имперіи“, подвергаются всѣмъ ужасамъ хроническаго голоданія, то понятно, что вопросы чисто экономическаго характера неизбѣжно пріобрѣтаютъ преобладающее значеніе и сами собою выдвигаются на первый планъ. Но дѣло въ томъ, что остановиться только на этомъ, ограничиться изученіемъ только однихъ экономическихъ вопросовъ — значило бы сдѣлать дѣло лишь наполовину. Нельзя упускать изъ виду, что, кромѣ пуждъ чисто матеріальныхъ, кромѣ запросовъ желудка, у народа существуютъ и другія потребности, неудовлетвореніе которыхъ отзывается на немъ также крайне болѣзненно и печально.

Это — потребности просыпающейся мысли, потребности чувства и сердца, жажда умственной, духовной дѣятельности. Съ другой стороны нельзя забывать и той старой, избитой истины, что всякаго рода явленія текущей жизни, въ томъ числѣ и экономическія бѣдствія, съ ихъ голодовками, нищетою, вымираніемъ и проч. — всѣ они, безъ всякаго сомнѣнія, разумѣется, оставляютъ глубокіе, неизгладимые слѣды въ характерѣ народа, въ настроеніи его духа, вліяютъ на его энергію, на складъ и строй его воззрѣній, на развитіе въ немъ новыхъ вѣрованій, новыхъ ученій и т. п.

Между тѣмъ эту-то именно сторону народной жизни мы совершенно упустили изъ виду, всецѣло отдавшись изученію крестьянскаго бюджета и хозяйства. Занявшись изслѣдованіемъ вопро-

совѣ о томъ: въ чемъ живетъ мужикъ, сколько онъ получаетъ, сколько проживаетъ, что онъ ѣстъ, во что одѣвается, — мы совсѣмъ забыли справиться: что онъ думаетъ? во что онъ вѣритъ и во что не вѣритъ? Каковы его надежды, взгляды, его завѣтныя думы, желанія и стремленія, какъ онъ относится къ тѣмъ или другимъ явленіямъ современной, скользящей мимо его, жизни, какъ, наконецъ, отражаются на немъ разныя событія и условія окружающей его дѣйствительности и т. д. и т. д.

Мнѣ не зачѣмъ напоминать здѣсь исторію нашего знакомства съ народомъ, такъ какъ она, безъ сомнѣнія, слишкомъ свѣжа у всѣхъ въ памяти. Всѣ помнятъ, конечно, услуги, сдѣланныя въ этомъ отношеніи нашими славянофилами, но помнятъ и ихъ ошибки, ихъ односторонность, помнятъ тѣ груды сборниковъ народныхъ пѣсенъ, былинь, пословицъ, преданій, поговорокъ, сборниковъ, которые были единственнымъ результатомъ этого изученія; помнятъ затѣмъ „западниковъ“, сведшихъ изученіе народной жизни на изслѣдованіе экономическаго быта народа и обогатившихъ литературу рядомъ прекрасныхъ изслѣдованій о производительныхъ силахъ и средствахъ народа... Несмотря на это, духовная, религіозно-нравственная, интеллектуальная жизнь народа осталась и, нужно сказать, остается до сихъ поръ очень мало извѣстною.

Изъ всѣхъ проявленій умственной жизни русскаго народа, не имѣющихъ прямого отношенія къ экономическимъ вопросамъ, до сихъ поръ удостоился *систематическаго* изученія лишь одинъ вопросъ, это именно — народное обычное право. Благодаря инициативѣ покойнаго Н. В. Калачова,

русское географическое общество обратило вниманіе на необходимость изученія народныхъ юридическихъ обычаевъ и издало весьма подробную, прекрасно составленную программу для собиранія свѣдѣній по этому предмету. Безъ сомнѣнія, разработка этого вопроса имѣетъ большое серіозное значеніе для практической жизни, но опять-таки ясно, конечно, само-собою, что остановиться на этомъ и опочить на лаврахъ — невозможно.

Необходимо обратить серіозное вниманіе и заняться тщательнымъ изученіемъ всѣхъ другихъ сторонъ, всѣхъ другихъ проявленій духовной, интеллектуальной жизни русскаго народа. Къ числу этихъ вопросовъ мы причисляемъ вопросъ о расколѣ или сектанствѣ. Скажемъ болѣе. Этому вопросу, въ виду его особеннаго значенія, мы отводимъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди другихъ вопросовъ интеллектуальной народной жизни.

Во избѣжаніе недоразумѣній, считаемъ необходимымъ замѣтить, что подъ словомъ *расколъ* мы разумѣемъ совокупность всѣхъ вообще религіозно-этическихъ и религіозно-бытовыхъ протестовъ и разномысліи русскаго народа. Такимъ образомъ подъ именемъ раскола мы разумѣемъ не только расколъ старообрядчества, но также и всѣ тѣ секты, которыя нашими духовными писателями называются обыкновенно „ересями“ и которыя обыкновенно выдѣляются ими изъ понятія о расколѣ¹⁾. Къ числу „ересей“ духовные писатели,

¹⁾ *Примѣчаніе цензора, іеромонаха Александра.* Слова „ересь“, „секта“ и „расколъ“ до сихъ поръ еще не получили точнаго опредѣленія въ нашей богословской наукѣ и гражданскомъ законодательствѣ. Тѣмъ не менѣе почтенный авторъ едва ли поступаетъ правильно, сближая нашихъ раскольниковъ (старо-

какъ извѣстно, относятъ, во-первыхъ, разныя мистическія секты, въ родѣ хлыстовъ, скопцовъ, и проч., и, во-вторыхъ, секты рационалистическія, въ родѣ молоканства, духоборства, штунды и т. д.

Культурная, умственная жизнь каждаго народа начинается прежде всего въ сферѣ религіозныхъ вопросовъ, наиболѣе для него близкихъ и важныхъ. Пробудившаяся мысль начинаетъ подвергать критикѣ догматы, принятые нѣкогда безсознательно и усвоенные чисто механически. Но разъ началась повѣрка религіозныхъ тезисовъ, возникла потребность въ болѣе сознательной ассимиляціи ихъ, къ нимъ, въ сознаніи народа, такъ или иначе примѣшиваются все тѣ социальныя, бытовыя тенденціи и стремленія, до пониманія которыхъ онъ успѣлъ возвыситься и которыя возникли въ немъ подъ вліяніемъ общаго строя окружающей его жизни.

Расколъ это — цѣлый религіозно-бытовой культъ, выработанный и созданный историческимъ процессомъ русской народной жизни. Въ немъ самымъ поразительнымъ образомъ перемѣшиваются идеи и стремленія чисто религіозныя съ вопросами и стремленіями чисто бытового, социального склада и характера, такъ что весьма часто бываетъ почти невозможно опредѣлить: гдѣ кончаются первыя и гдѣ начинаются вторыя. При этомъ въ однѣхъ сектахъ беретъ перевѣсъ

обрядцевъ) съ сектантами. Если и можно находить какое-либо сходство между нашимъ расколомъ и сектантствомъ, то исключительно общаго, формальнаго оттѣнка. Расколъ и сектантство суть отклоненія отъ православія, проявленія религіознаго разномыслія... Вотъ принципъ, можетъ-быть, единственный для чисто-внѣшняго, формальнаго сближенія между раскольниками и сектантами. Наоборотъ, чѣмъ глубже приходится изучать раскольниковъ и сектантовъ съ внутренней стороны, тѣмъ отчетливѣе и яснѣе открывается великое различіе между ними.

элементъ религіозный, въ другихъ — социально-общественный; тѣмъ не менѣе присутствіе каждаго изъ обоихъ элементовъ неизбѣжно въ ученіи любой секты. Такъ было прежде, такъ и теперь, и только крайняя умственная близорукость можетъ утверждать, что наше современное сектантство представляетъ собою явленіе исключительно религіозное, чуждое всякихъ общественныхъ и бытовыхъ мотивовъ и стремленій.

Причины, обуславливающія развитіе сектантства, слишкомъ широко захватываютъ народную жизнь и коренятся и кроются въ ней гораздо глубже, чѣмъ обыкновенно думаютъ объ этомъ. Отсюда понятно, почему вопросъ о расколѣ неразрывно связывается не только съ вопросами, касающимися церкви, духовенства и школы, но также и со всѣми тѣми вопросами нашего общественнаго быта, которые относятся до правового и экономическаго положенія народа — всѣ эти вопросы находятся въ прямой и тѣсной связи съ условіями, способствующими развитію сектантства, и отъ того или другого практическаго разрѣшенія ихъ будетъ прямо зависѣть усиленіе или ослабленіе раскола.

Къ сожалѣнію, мысль эта до сихъ поръ еще не усвоена громаднымъ большинствомъ нашего образованнаго общества. Для многихъ, напримѣръ, можетъ показаться даже въ высшей степени странною мысль о томъ, что развитіе сектантства находится въ близкой и тѣсной зависимости отъ существованія въ народной жизни такихъ учреждений, какъ паспортная система, подушная подать и т. п. А между тѣмъ идея эта безспорно вѣрна. Чрезвычайная разнородность основныхъ элементовъ, вызывающихъ и поддерживающихъ

расколъ, является главною причиною, почему вопросъ о сектантствѣ не можетъ быть обсуждаемъ отдѣльно, самъ по себѣ, безъ отношенія его къ другимъ наиболѣе важнымъ и давно наболѣвшимъ вопросамъ нашей общественной жизни.

I.

Исканія правды.

„Въ расколѣ, — говоритъ Щаповъ, — преимущественно проявилась своеобразная жизнь массы народа, жизнь религіозная и гражданская, жизнь умственная и нравственная“¹⁾.

„Кто хочетъ изучать характерныя черты великороссовъ, тотъ долженъ изучать ихъ у старо-вѣровъ“, говоритъ баронъ Гакстгаузенъ²⁾.

„Расколъ, — говоритъ Н. И. Костомаровъ, — составляетъ крупное явленіе народнаго умственнаго прогресса“... По его словамъ, „въ нашей исторіи расколъ былъ едва ли не единственнымъ явленіемъ, когда русскій народъ не въ отдѣльныхъ личностяхъ, а въ цѣлыхъ массахъ, безъ руководства и побужденія со стороны власти или лицъ, стоящихъ на степени высшей по образованію, показали своеобразную дѣятельность въ области мысли и убѣжденія“³⁾.

Подъ вліяніемъ раскола складывается и развивается семейная домашняя жизнь многомилліонной массы сектантскаго населенія; подъ его вліяніемъ устанавливаются и регулируются взаимныя отношенія членовъ семьи между собою,

¹⁾ „Русскій расколъ старообрядчества“. Соч. Щапова. Казань. 1859 г.

²⁾ „Исслѣдованіе внутреннихъ отношеній народной жизни“ и т. д. Москва. 1870 г.

³⁾ „Исторія раскола у раскольниковъ“, „Вѣстникъ Европы“ 1871 г. № 4.

привычки, взгляды, наклонности, вѣрованія. Расколъ обусловливаетъ и взаимныя отношенія своихъ приверженцевъ, какъ членовъ извѣстнаго общества, и всѣ наблюдатели народнаго быта указываютъ на замѣчательную солидарность, которая проявляется въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ и которой такъ часто недостаетъ въ кругу ихъ православныхъ собратьевъ. Наконецъ, расколъ оказываетъ вліяніе и на матеріальное состояніе своихъ послѣдователей, чему нагляднымъ доказательствомъ можетъ служить общеизвѣстный фактъ ихъ гораздо бѣднѣшаго экономическаго благосостоянія.

„Расколъ расшевелилъ спавшій мозгъ русскаго человѣка“, говоритъ Н. И. Костомаровъ. Какъ бы то ни было, но не подлежитъ сомнѣнію, что народная мысль проснулась и ищетъ выхода, ищетъ удовлетворенія. Страстно, порывисто рвется она изъ вѣковаго мрака и умственной неподвижности къ свѣту, свободѣ и простору. Эти порыванія мысли, какъ увидимъ далѣе, весьма ярко отражаются въ нашемъ сектантствѣ.

Правда, скудны и бѣдны, бѣдны до крайности наши свѣдѣнія обо всемъ, что касается до сферы „народной мысли“. Оторванные отъ народа, прикованные къ своимъ кабинетамъ, канцеляріямъ, бібліотекамъ, конторамъ, архивамъ, мы лишены возможности непосредственно слѣдить за проявленіями и движеніями коллективной мысли народной массы. Объ этомъ мы судимъ лишь по тѣмъ отрывочнымъ, случайнымъ свѣдѣніямъ и извѣстіямъ, которыя появляются по временамъ въ нашей печати.

Кто, читая газеты, не усвоилъ себѣ похвальной привычки „пропускать мимо“ извѣстія, идущіе

щія изъ „нутра Россіи“, изъ уѣздныхъ захластувъ, изъ селъ и деревень, съ фабрикъ и заводовъ, тотъ, навѣрное, не разъ задумывался надъ сообщеніями о появленіи различныхъ новыхъ сектъ то въ той, то въ другой мѣстности. И трудно не задуматься. Передъ нашими глазами, въ глубинѣ народной массы, происходитъ нѣчто необычайное, нѣчто загадочное, и вмѣстѣ глубоко знаменательное, къ чему, однако, никто, повидимому, не считаетъ нужнымъ отнестись душевно, искренно, съ серьезнымъ чувствомъ и съ горячимъ желаніемъ помочь дѣлу.

Мы видимъ, какъ всюду непрерывно возникаютъ все новые и новые секты, толки и ученія. Въ этихъ ученіяхъ, на ряду съ различными странными, смѣшными и нелѣпыми выводами, порожденными вѣковымъ невѣжествомъ и гнетомъ, вы то и дѣло встрѣчаете чистыя, гуманныя, высокія идеи, которыя невольно приковываютъ къ себѣ все ваше сочувствіе, всѣ ваши симпатіи. Впечатлѣніе это усиливается еще болѣе при мысли, что до этихъ идей додумывались не ученые богословы и не философы, прошедшіе университетскіе и академическіе курсы, а какіе-нибудь „темные“, „сѣрые люди“, исконные обыватели селъ, деревень и заводовъ, въ родѣ какого-нибудь Семена Матвѣева Уклеина или Михаила Акинфѣева Попова и т. п.

Мы не будемъ говорить здѣсь о первоначальныхъ причинахъ, вызвавшихъ расколъ въ нашей жизни, такъ какъ вопросъ этотъ требуетъ specialнаго изслѣдованія. Извѣстно, что „политико-религіозныя партіи въ Россіи появляются одновременно съ отмѣною земскихъ народныхъ правъ, начавшеюся при Димитріи Дон-